

MAGYAR ŐSTÖRTÉNETI KUTATÓCSOPORT KIADVÁNYOK

← - - - - -
STUDIA AD ARCHAEOLOGIAM PAZMANIENSIA

HADAK ÚTJÁN

A népvándorláskor
fiatal kutatóinak
XXIX. konferenciája

Budapest, 2019. november 15–16.

Főszerkesztő: Türk Attila

BÖLCSÉSZETTUDOMÁNYI KUTATÓKÖZPONT
MAGYAR ŐSTÖRTÉNETI KUTATÓCSOPORT

PÁZMÁNY PÉTER KATOLIKUS EGYETEM
RÉGÉSZETTUDOMÁNYI INTÉZET

MARTIN OPITZ KIADÓ

Studia ad Archaeologiam Pazmaniensia

A PPKE BTK Régészettudományi Intézetének kiadványai

Archaeological Studies of PPCU Institute of Archaeology

Volume 24.2

Bölcészettudományi Kutatóközpont

Magyar Őstörténeti Kutatócsoport Kiadványok

Volume 4.2

Studia ad Archaeologiam Pazmaniensia
A PPKÉ BTK Régészettudományi Intézetének kiadványai
Archaeological Studies of PPCU Institute of Archaeology

Bölcsészettudományi Kutatóközpont
Magyar Őstörténeti Kutatócsoport Kiadványok

Studia ad Archaeologiam Pazmaniensia
International Editorial Board

Heinrich Härke
Eberhard Karls Universität (Tübingen)

Oleksiy V. Komar
Institute of Archaeology (Kiev)

Abdulkarim Maamoun
Damascus University (Damascus)

Denys Pringle
Cardiff University (Cardiff)

Dmitry A. Stashenkov
Samara Regional Historical Museum (Samara)

Nikolai P. Telnov
Institute of Archaeology (Chişinău)

Magyar Őstörténeti Kutatócsoport Kiadványok
International Editorial Board

Balázs Balogh
Director General of the Research Center
for the Humanities (Budapest)

Pál Fodor
Honorary Director General of the RCH (Budapest)

László Klima
PPCU Institute of Archaeology (Budapest)

Hakan Aydemir
Istanbul Medeniyet University (Istanbul)

Balázs Sudár
Institute of History of RCH (Budapest)

Attila Türk
Research Group of Early Hungarians of RCH
(Budapest)

„HADAK ÚTJÁN”
A NÉPVÁNDORLÁSKOR
FIATAL KUTATÓINAK
XXIX. KONFERENCIÁJA

Budapest, 2019. november 15–16.

29TH CONFERENCE OF YOUNG SCHOLARS
ON THE MIGRATION PERIOD
Budapest, November 15–16, 2019

Főszerkesztő
Türk Attila

BUDAPEST 2023

PÁZMÁNY PÉTER
KATOLIKUS EGYETEM

A kötet a

NEMZETI KUTATÁSI, FEJLESZTÉSI
ÉS INNOVÁCIÓS HIVATAL

ELKH
Eötvös Loránd
Kutatási Hálózat

Bölcsészettudományi
Kutatóközpont

támogatásával valósult meg

A kötet megjelenését a Nemzeti Kutatási, Fejlesztési és Információs Hivatal „Tudományos Mecenatúra Pályázat”
MEC_K_21 alprogramja támogatta (MEC_K_141246).

A kötet az Árpád-ház Program támogatásával készült
(IV.1. Keleti örökség – Keleti kapcsolatok. Írott források és kiadványok
IV.2. Az Árpád-ház elődeinek keleti kapcsolatrendszere)

A kutatás és a kötet az Innovációs és Technológiai Minisztérium támogatásával a Tématerületi Kiválósági Program: Magyarorszá-
g és a Kelet kapcsolatának régészeti kutatása (Keleti Örökségünk PPKE Interdiszciplináris Történelmi és
Régészeti Kutatócsoport [TKP2020-NKA-11]) projekt keretében valósult meg.

Szerkesztők

Jancsik Balázs – Sudár Balázs

Munkatárs

Ambrus Edit

© szerzők

© Bölcsészettudományi Kutatóközpont Magyar Őstörténelmi Kutatócsoport

© Pázmány Péter Katolikus Egyetem, Bölcsészeti és Társadalomtudományi Kar, Régészettudományi Intézet

© Martin Opitz Kiadó

ISBN 978-615-6388-35-3

HU-ISSN 2064-8162

HU-ISSN 2786-1538

Minden jog fenntartva. Jelen könyvet, illetve annak részeit tilos reprodukálni, adatrögzítő rendszerben tárolni,
bármilyen formában vagy eszközzel – elektronikus úton vagy más módon – közölni a kiadó engedélye nélkül.

Kiadja:

Bölcsészettudományi Kutatóközpont Magyar Őstörténelmi Kutatócsoport –
PPKE BTK Régészettudományi Intézet – Martin Opitz Kiadó

Nyomda: Pauker Nyomdaipari Kft.

КАРЫМСКИЕ ПОГРЕБЕНИЯ ЭПОХИ ВЕЛИКОГО ПЕРЕСЕЛЕНИЯ НАРОДОВ (IV–VI ВВ. Н.Э.) ЮЖНОТАЕЖНОГО ТОБОЛО-ИРТЫШЬЯ

ЗЕЛЕНКОВ АЛЕКСАНДР СЕРГЕЕВИЧ*

Ключевые слова: *великое переселение народов, Западная Сибирь, карымский тип нижнеобской культуры, бакальская, потчевашская культуры*

Аннотация: *В работе дается обобщение характеристик карымских погребений из могильников (Ревда-5, Козлов-Мыс-2, Красноярский-IV, Алексеевка-50, Алексеевка-51, Усть-Тара-7) южнотаежного Тоболо-Иртышья¹ IV–VI вв. н.э. К специфическим чертам карымской группы погребений отнесены такие признаки, как совершение грунтовых или подкурганых захоронений в узких овальных или подпрямоугольных ямах, северная ориентировка погребенных, наличие кремаций и трупосожжений. При сравнении параметров южнотаежных погребений карымского типа с практиками родственного ему населения Нижнего Приобья обнаружены существенные отличия последних в отсутствии следов прижизненной деформации черепов, бедности погребального инвентаря, положении покойных, что указывает на быструю метисацию культуры при воздействии на нее лесостепных традиций бакальского (IV–IX вв. н.э.) и предшествовавшего ему саргатского (IV/III в. до н.э. – III вв. н.э.) населения Тоболо-Иртышья.*

ВВЕДЕНИЕ

Погребальный обряд раннесредневекового населения Тоболо-Иртышья продолжает оставаться мало исследованным. Изучение данной стороны материальной культуры древних обществ особенно важно при изучении этнокультурных процессов, протекавших как внутри региона, так и за его пределами, в ракурсах взаимодействия, метисации, аккультурации, миграции, а также брачных контактов. В этом контексте особенно острой является проблема выделения карымских комплексов нижнеобской культуры (IV–VI н.э.) в южнотаежной и лесостепной зонах Западной Сибири, где они

считаются привнесенными северными мигрантами, проживавшими совместно с носителями бакальской (IV–IX вв. н.э.) и потчевашской (VI–VIII вв. н.э.) культур.

Сегодня известно три карымских могильника в южнотаежном Тоболо-Иртышье: Козлов-мыс-2 (Козловский могильник)² и Усть-Тара-7,³ Красноярский-IV⁴ и несколько отдельных погребений из некрополей Ревда-5,⁵ Алексеевка-50 и 51,⁶ характеризующие погребально-ритуальные традиции, своеобразие костюмного комплекса и особенности сложения карымского типа древностей.

* Тюменский государственный университет, г. Тюмень, ул. Володарского, д. 6. a.s.zelenkov@utmn.ru

¹ Западная Сибирь, Тюменская, Омская, Курганская, Новосибирская области. Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ № 20-49-720001 «Роль миграций в историко-культурной динамике юга Западной Сибири в эпоху средневековья».

² CSERNYECOV 1957; MATVEJEVA 2012.

³ SZKANDAKOV–DANCSENKO 1999.

⁴ GRACSEV–ZELENKOV–SZLEPCOVA 2021.

⁵ MATVEJEVA 2016.

⁶ GERASZIMOV 2011; GERASZIMOV–ZDOR 2011.

Несмотря на это, феномен карымского присутствия за границами своего основного ареала – Нижнего Приобья остается в известной мере не изученным. Актуальны вопросы касательно проблем взаимодействия нижеобского

населения с лесостепными группами бакальской культуры Тоболо-Иртышья и степными номадами, степень их участия в формировании потчевашской культуры раннего средневековья.

Источники

Характеристики карымских погребений (рис. 2) позволяют рассматривать их в рамках специфической группы отличной от бакальских и потчевашских могил (рис. 3–4). Суммарно мы располагаем 91 погребением: Ревда-5 (6 ед.), Алексеевка-50 (2 ед.), Алексеевка-51 (4 ед.), Усть-Тара-VII (8 ед.), Красноярский-IV (12 ед.), Козлов-мыс-2 (Козлов-Мыс-2) (59 ед.), располо-

женных территориально неоднородно (рис. 1). В частности, выделяются две локальные группы: первая соответствует территории южнотаежного Приобья – это могильники Козлов-Мыс-2 и Ревда-5; вторая приурочена к районам южнотаежного Прииртышья – могильники Алексеевка-50, Алексеевка-51, Усть-Тара-VII и Красноярский-IV.

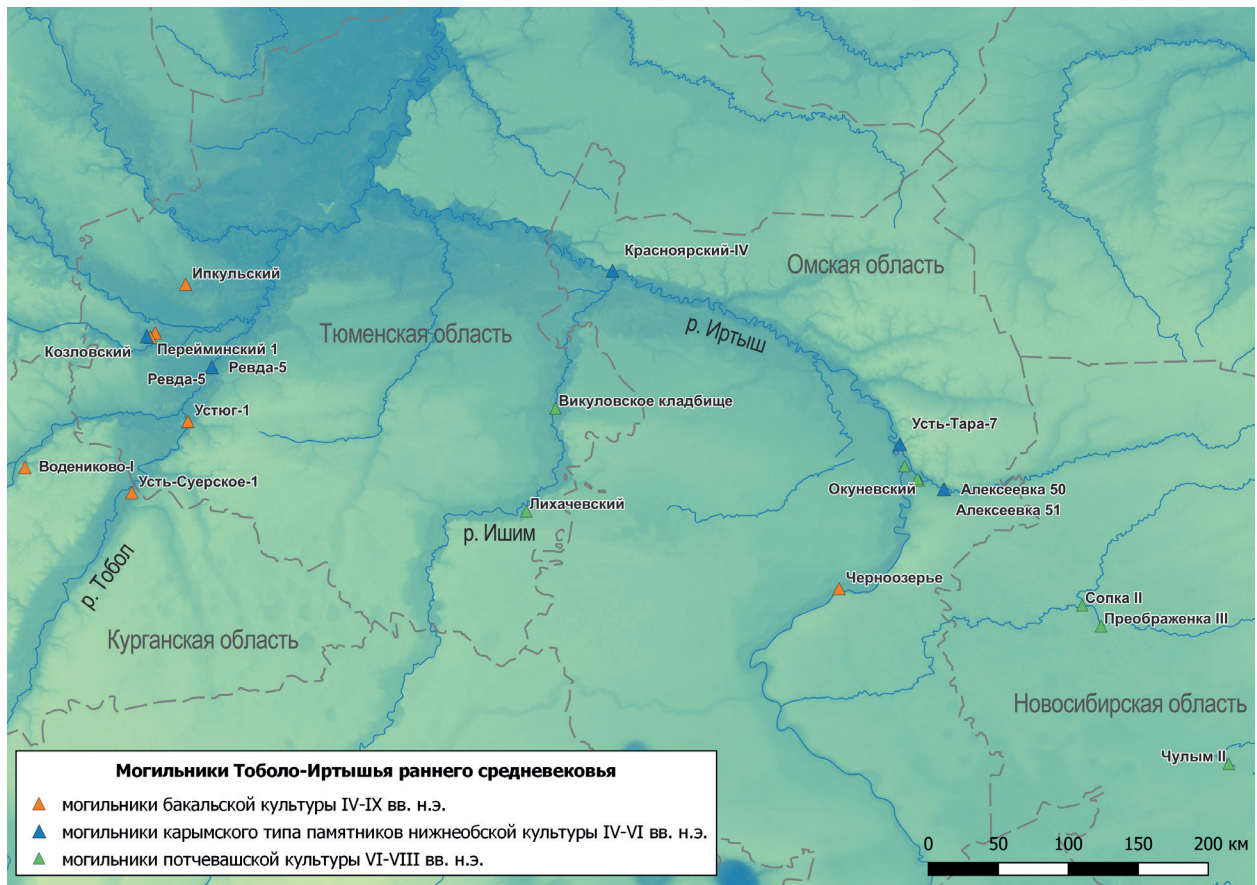

Рис. 1. Карта-схема распространения могильников населения Великого переселения народов и раннего средневековья Тоболо-Иртышья

Fig. 1. Map-diagram of the distribution of burial grounds of the population of the Migration period and the early Middle Ages of the Tobolo-Irtysh region

Рис. 2. Гистограмма признаков карымских погребений из могильников Тоболо-Иртышья
 Fig. 2. Histogram of signs of Crimean burials from tombs of the Tobolo-Irtysh region

МЕТОДЫ

С целью характеристики особенностей погребальной практики карымского населения описания погребений были включены в базу данных «Погребальный обряд эпохи средневековья Тоболо-Иртышья», в которую также вошли бакальские и потчевашские могилы. Ключом для заполнения ячеек данных была выбрана бинарная система 1; 0 (да; нет). Колонки базы данных соответствуют названиям признаков, а строки погребениям. Из более чем 142 признаков могил пригодными для описания и суммирования оказалось 64, выделенных по формуле Шеннона в периоде индексов от 0,2 до 0,5. Низкие индексы и единичность большинства признаков объясняется плохой сохранностью погребений, многократными ограблениями курганов, особенностями песчаного грунта, из-за которых происходило активное разрушение органики, включая костяки, детали одежды, над- и около- могильные конструкции.

При работе с отобранными данными использовались программные пакеты Statistica 10 и SPSS 13 и три основных метода: соответствий, кластерный и дискриминантный. Метод соответствий (*correspondent analyze*), являясь разведочным методом статистики, позволил увидеть возможности анализируемой выборки и сформулировать рабочую гипотезу относительно деления всей совокупности данных на три культурные традиции по 2D функции. Кластерный анализ метода Варда (*Ward's method*), вычисленный по квадрату Евклидова расстояния, позволил произвести первичную классификацию погребений в рамках самостоятельных групп. Дискриминантный анализ верифицировал выделенные кластеры, подтвердив наши предположения относительно культурной принадлежности отдельных групп захоронений. Всего выделено три кластера: 1 – бакальский; 2 – карымский; 3 – потчевашский.⁷

⁷ MATVEJEVA–ZELENKOV–GYÖNI 2021.

Для демонстрации своеобразия и упрощения описаний характеристики их наиболее существенных признаков представляются в виде гистограмм (рис. 2). В связи с отсутствием публикаций баз данных по погребальным обрядам культур сопредельных территорий поиск инноваций и традиций совершался путем подбора аналогий выделенным характеристикам захоронений.

АНАЛИЗ МАТЕРИАЛА

Рассматривая топографические особенности памятников двух локальных групп, отметим важное наблюдение, что все могильники Прииртышья курганные, а в Притоболье сочетаются грунтовые и курганные. В целом, памятники карымского типа нижнеобской культуры Тоболо-Иртышья существенно не отличаются по основным параметрам от таковых в бакальской культуре. Курганы округлой или овальной форм диаметром от 4 до 10 м и высотой не более 1 м расположены плотными группами или цепочками на высоких берегах рек. Насыпи сложены в основном из песчаного грунта, покрывавшие от одного (58%) до двух (15%), редко три (1 случай) погребения. Учитывая стратиграфические особенности кургана 20 могильника Красноярский-IV,⁸ в котором основное серое заполнение объекта по середине делит длинная прослойка темно-серого от погребенного дерна, полагаем, что грунт для насыпи брали по краям в 5-10 м от условного центра (погребения) кургана. В другом случае, как на могильнике Усть-Тара-VII, земляную основу надмогильного сооружения доставали путем копки незамкнутых ровиков, зафиксированных вокруг большинства погребений некрополя.⁹

Характер ровиков отличный от того, что мы наблюдаем у бакальских курганов. Они зафиксированы в семи курганах (из восьми раскопанных) Усть-Тары-VII, состояли из отдельных ям вытянутой овальной формы и

Результаты статистического анализа демонстрируют отнюдь не исчерпывающую информацию и представляются исключительно с целью обобщенного взгляда на традиции захоронений Тоболо-Иртышья, что делается впервые. Отдельные важные признаки, но не вошедшие в описательные графики, оговариваются в тексте.

были заполнены углем, фрагментами керамики, спекшейся глины и бронзовых изделий,¹⁰ что позволяет предполагать их активное использование в поминальных действиях при совершении обряда.

Еще одной специфической особенностью данного некрополя является наличие следов от деревянных сооружений по типу оградок, представленных в виде темных полос из угля и фрагментов древесины, образующих подквадратные очертания конструкции.¹¹

Карымское население хоронило умерших в грунтовых (26%) или подкурганных (73%) преимущественно одиночных (90%), неглубоких (до 1 м) (68%), длинных (более 1,8 м) (46%), узких (до 1 м) (31%) могилах овальной (36%) (рис. 3. 1, 2, 4; рис. 4. 2-6), реже подпрямоугольной форм (19%) (рис. 3. 2, 5, 6) с отвесными (20%) или наклонными (16%) стенками. По краям погребений в 8% случаях фиксировались уступчики (рис. 3. 1, 2, 6), достоверно обнаружены следы от берестяных перекрытий в 7% случаев; тем же материалом покрывалось дно могилы, о чем свидетельствуют остатки бересты, зафиксированные в 6% случаев (рис. 4. 5, 7), настилы из каких-то органических материалов характеризуют 7% погребений. В качестве вместилищ для погребенного использовали берестяные гробы (5%), фиксировавшиеся по остаткам створок, есть также упоминания относительно использования гробов.¹²

⁸ GRACSEV-ZELENKOV-SZLEPCOVA 2021, 60-73.

⁹ SZKANDAKOV-DANCSENKO 1999, 160.

¹⁰ SZKANDAKOV-DANCSENKO 1999, рис. 1, 3, 5, 9.

¹¹ SZKANDAKOV-DANCSENKO 1999, рис. 1.

¹² MATVEJEVA 2012, 61.

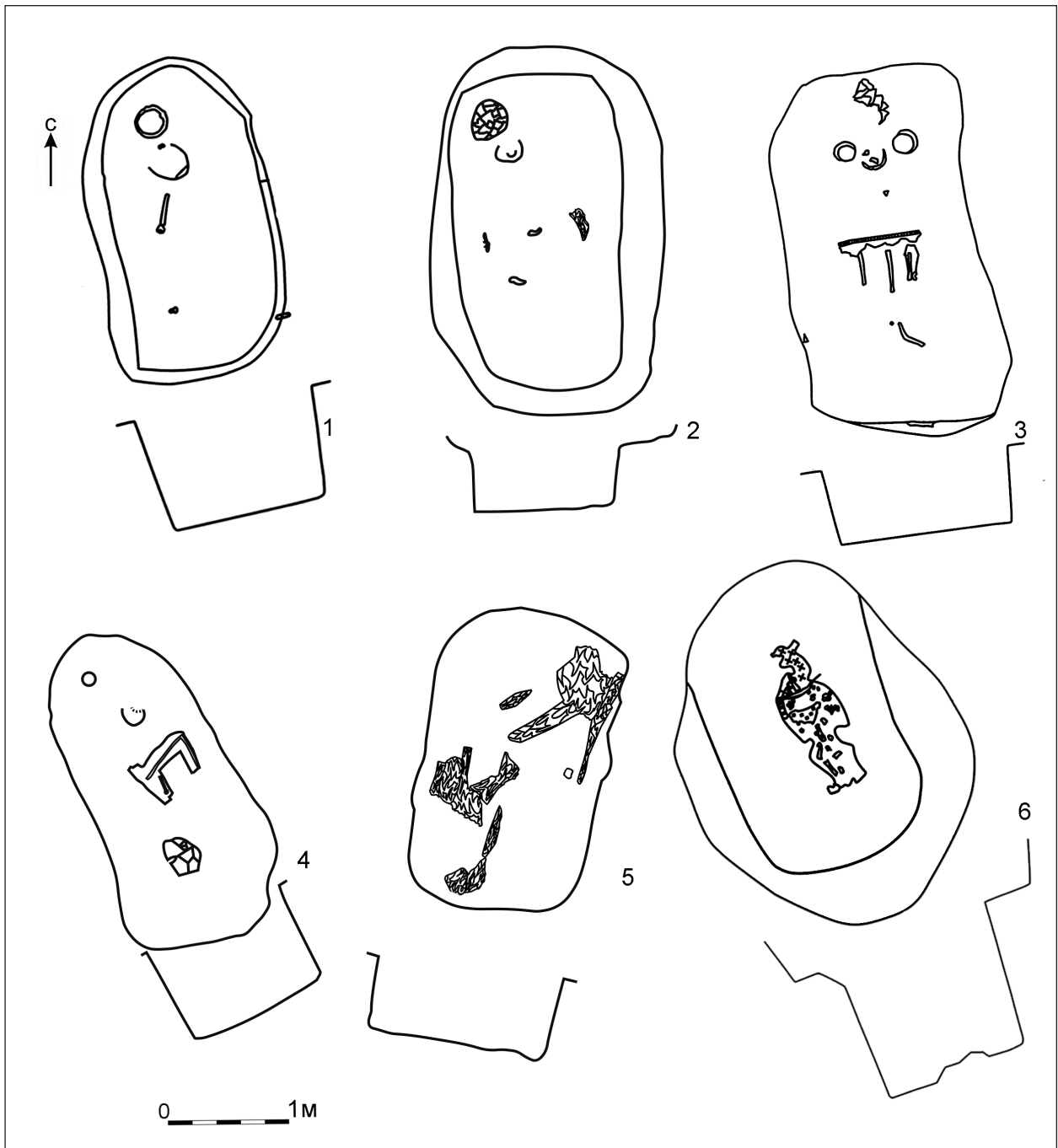

Рис. 3. Погребения с признаками кремации и трупосожжения (Все – Красноярский-IV могильник). 1: п.2 к. 20; 2: п.1 к. 15; 3: п.1 к. 20; 4: п. 1 к. 13; 5: п. 1 к. 17; 6: п. 1 к. 8

Fig. 3. Burials with signs of cremation and corpse-burning (All - Krasnoyarsk-IV burial ground). 1: g. 2 k. 20; 2: g. 1 k. 15; 3: g. 1 k. 20; 4: g.1 k. 13; 5: g. 1 k. 17; 6: g. 1 k. 8

Покойные лежали преимущественно головой на север (36%) (рис. 3. 2; рис. 4. 1–4), реже на северо-запад (20%) (рис. 4. 5) и северо-северо-запад (8%) (рис. 3. 4, 5), единично на юг (рис. 4. 6) и северо-северо-восток (рис. 3. 5) вытянуто на спине (30%) с руками вдоль туловища (8%),

очень редко (1 случай) на правом боку с согнутыми ногами (рис. 4. 4) или в скорченной позе «всадника» (рис. 4. 1).

Факты наличия скопления углей в могилах (30%) (рис. 3) и за их пределами (17%) (рис. 4. 2) указывают на активное использование огня в об-

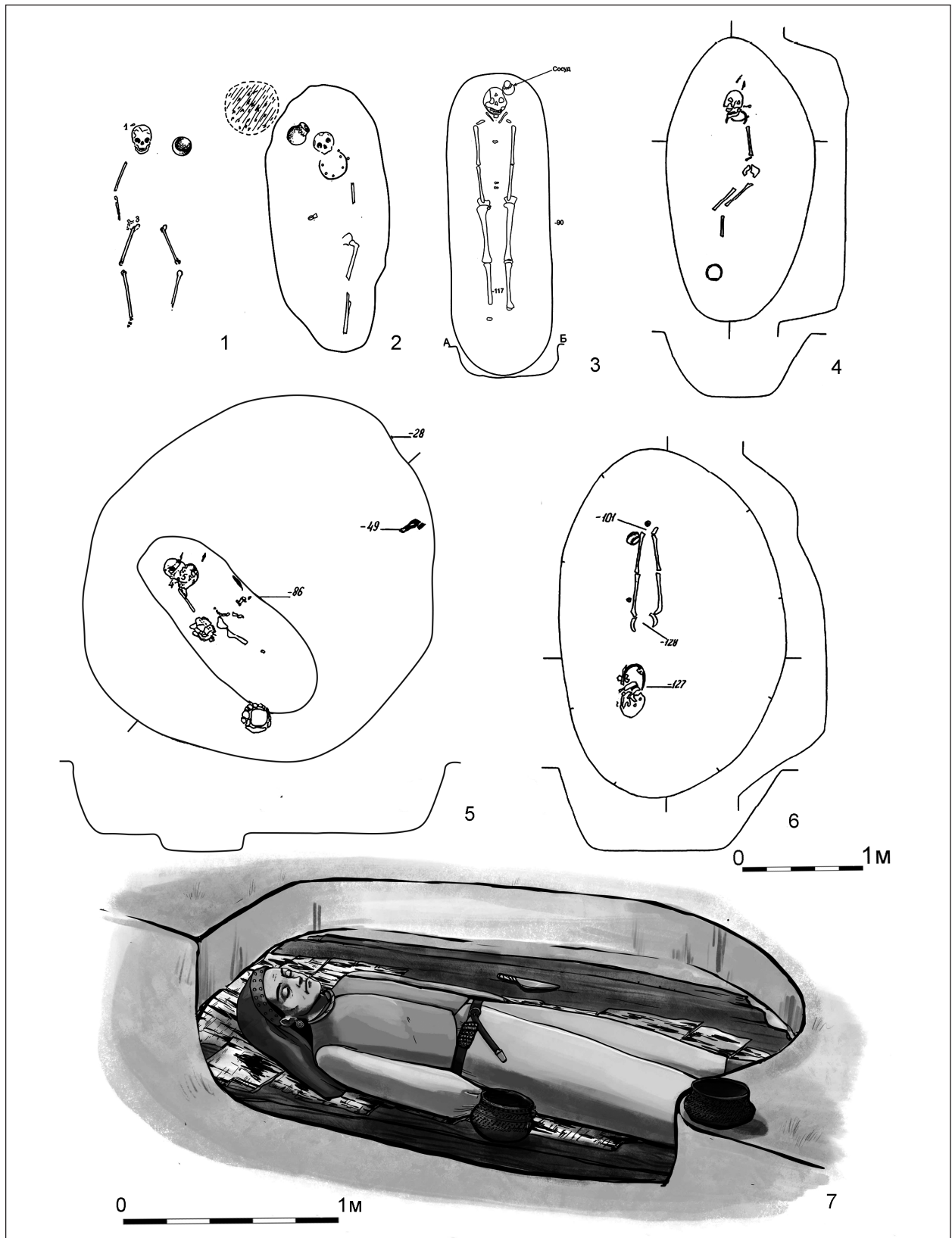

Рис. 4. Погребения по типу ингумаций (1–6) и реконструкция п. 1 к. 8 Усть-Тары-7. Козлов-Мыс-2: 1: п. 53; 2: п. 37; 3: п. 63; Усть-Тара-7: 4: п. 1 к. 14; 5: п. 1 к. 8; 6: п. 1 к. 9
 Fig. 4. Burial by type of inhumation (1-6) and reconstruction of grave 1 kurgan 8 Ust-Tara-7. Kozlov-Mys-2: 1: g. 53; 2: g. 37; 3: g. 63; Ust-Tara-7: 4: g. 1 k. 14; 5: g. 1 k. 8; 6: g. 1 k. 9

рядовых действиях, проявившееся в отсутствии полных скелетов, фрагменты которых имели коричневый или белесый цвет (Красноярский-IV, Козлов-Мыс-2, Ревда-5). Полагаем, что данные факты, в совокупности с такими признаками как наличие пережжённых костей в погребении (3%) и подтвержденными фактами кремации (5%), демонстрируют широкое распространение в погребальной практике карымского населения обряда трупосожжения. Интересно, что вещи размещались таким образом, как если бы их носили при жизни (рис. 3. 1–4, 6), а их поверхность не была деформирована в следствие термической обработки. Это, на наш взгляд, позволяет предполагать, что инвентарь раскладывался уже после сожжения умершего в могиле.

Обычно сосуд ставился в головном конце (42%), очень редко в ногах (8%), встречались горшки, оставленные у края могилы (5%). Важно отметить, что подавляющее число сосудов (65%), обнаруженных в погребениях, относятся к карымскому типу с гребенчатой и фигурно-штамповой орнаментацией. Представительство иных культурных групп значительно меньше, в частности, бакальского типа – 14%, кушнаренковского типа – 6%, саргатского типа – 4%, саровского 2%, и погребений без керамики – 12%. В единичных случаях могила содержала более одного горшка (2 случая), которые относились к разным культурным традициям (бакальская и кушнаренковская, карымская и кушнаренковская).

Иные виды инвентаря могут быть отнесены как к мужским и подростковым, так и женским и детским погребениям. В головном конце оставляли височные подвески (7%), на месте кистей фиксировались скопления бисера (2%) и перстни (6%), в грудном отделе – гривны (16%) и/или бусы (20%), в пояском – ремень, представленный отдельными деталями, в частности пряжками (28%), накладками (5%) и наконечниками (2%) или цельной гарнитурой (2 случая), по бокам от него клали нож (24%), редко в де-

ревянных ножнах (один случай), украшенных зооморфными подвесками и бронзовыми пронизиями. Из бытового инвентаря в одном случае зафиксировано тесло, из оружия встречались наконечники стрел (8%). В единичных случаях погребенного сопровождали кости животных (4%) и детали уздечки в виде удильных колец (2%).

К сожалению, к сегодняшнему дню данных, позволивших охарактеризовать антропологическую специфику карымского населения, немного. Из таковых выделяются признаки прижизненной деформации черепов, фиксировавшиеся в 13 случаях (16%), циркулярного (кольцевого) типа. По данным А.В. Слепцовой, в выборке обнаружены крайние проявления данного феномена, при котором черепная коробка приобретает удлиненную назад, широкую и несколько уплощенную форму с обширными плоскостями в области лба и затылка.¹³

При анализе одонтологических данных могильника Красноярский-IV была обнаружена существенная близость карымских популяций Прииртышья к группам населения позднего этапа (I–III вв. н.э.) саргатской культуры Ишимо-Иртышья, представителям кулайской культуры Верхнего Приобья (могильник Каменный Мыс), локальным группам карымского населения Притоболья (могильник Козлов-Мыс-2).¹⁴ Эти данные отчасти детализируют ранние наблюдения И.М. Золотаревой относительно сходства карымских черепов из некрополя Козлов-Мыс-2 с фоминской выборкой Верхнего Приобья.¹⁵ Интересны предварительные результаты генетических исследований. Изучение образцов из могильника Усть-Тара-VII в общей западносибирской выборке выявило элементы матрилинейной ДНК популяций, ведущих свое происхождение из степей Алтая и Забайкалья.¹⁶

Таким образом, носители карымского типа памятников нижнеобской культуры Тоболо-Иртышья хоронили своих умерших по обряду грунтовых или подкурганых ингумаций и трупосожжений в неглубоких, узких овальных

¹³ SZLEPCOVA 2016, 3.

¹⁴ GRACSEV–ZELENKOV–SZLEPCOVA 2021, рис. 8.

¹⁵ ZOLOTARJEVA 1957, 250.

¹⁶ SZEIFERT ET AL. 2022.

или подпрямоугольных ямах. Поминальные действия на курганах сопровождалась строи-

тельством рвов и деревянных ограждений, жертвоприношениями и тризнами.

ОБСУЖДЕНИЕ

При обращении к историко-культурным интерпретациям особо стоит вопрос о степени сходства погребальных практик карымского населения южнотаежного Тоболо-Иртышья и родственного ему населения Нижнего Приобья IV–VI вв. н.э. К сегодняшнему дню на Севере Западной Сибири известен один могильник с погребениями карымского времени – Сайгатинский-VI в Сайгатинском урочище, в 30 км к западу от г. Сургут,¹⁷ содержащий не более 15 могил эпохи Великого переселения народов. В рамках данного грунтового некрополя погребения интересующей нас культурной группы представляли собой очень узкие (до 0,6 м шириной) подпрямоугольные одиночные ямы глубиной до 0,2 м с наклонными стенками, в которых умерший располагался головой на юго-запад или юг, сопровождался минимальным набором инвентаря из фрагментов или целых емкостей фигурно-штамповой керамики, располагавшихся у головы; железного ножа, редко точильного камня, единично зафиксированы случаи вместилища покойного в виде лодки.¹⁸ У погребенных отсутствуют следы прижизненной деформации черепов, бусы, гривны, детали ременной гарнитуры и другие вещи, свойственные карымским памятникам Тоболо-Иртышья, включая признаки использования огня в обрядовых действиях и положение покойных в северный сектор.

Стоит учитывать локальные особенности погребений. В частности, как мы отмечали ранее, в Прииртышье могильники (Усть-Тара-VII, Красноярский-IV, Алексеевка) карымского типа курганные, с незамкнутыми ровиками и деревянными оградками, захоронений в лодках или деревянных гробах не зафиксировано. Первым двум конструкциям (курганы и ровики) нахо-

дим прямые аналогии в саргатской¹⁹ и преемственной ей бакальской традициях. Причем по данным Л.Н. Коряковой в Прииртышье преобладали именно незамкнутые рвы с несколькими входами к центральному погребению.²⁰ Сооружения в виде деревянных оградок вокруг небольших курганов известны по Бродовскому и Верх-Саинскому могильникам Прикамья.²¹ Прямоугольные ограды, но облицованные камнем, были широко распространены в погребальных и ритуальных традициях предтюркского и древнетюркского периодов у степных кочевников на обширной территории степного пояса Евразии, от Восточной Монголии до Приуралья.²²

Часть грунтовых погребений в узких прямоугольных могилах, а также наличие гробов и лодок в качестве вместилища погребенного, обнаруженных в южнотаежном Притоболье (Козлов-Мыс-2), косвенно указывают на прямое происхождение данного комплекса традиций из Нижнего Приобья. Но и здесь они сочетаются с лесостепными традициями бакальской культуры, что доказывается наличием погребений обеих групп в одних и тех же могильниках, в могилах сходных конфигураций (Ипкульский, Козлов-Мыс-2, Устюг-1). При этом карымские погребения содержат исключительно керамику таежного облика с фигурно-штамповой и гребенчатой орнаментацией. Возможно, в будущем удастся соотнести этот признак с половозрастной спецификой погребений и/или характером брачных отношений между лесостепными и таежными анклавами населений.

Общей для карымских погребений Тоболо-Иртышья является традиция трупосожжения. По мнению Т.Н. Троицкой, она возникает в Западной Сибири в конце раннего железного века и

¹⁷ TYERENOVA–KARACSAPOV 1994; CSEMIAKIN–KARACSAPOV 1999, 42–43; ZIKOV 2012, 53; BORZUNOV–CSEMIAKIN 2014, 64.

¹⁸ BORZUNOV–CSEMIAKIN 2014, 64, 66, рис. 1, 1–3.

¹⁹ MATVEJEVA 1994, 114.

²⁰ KORJAKOVA 1988, 48.

²¹ GOLGYINA–VODOLAGO 1990, 66, Табл. 16.

²² MATRENYIN–SZARAFANOV 2006, 204; KUBAREV 2012, 143–152.

связана с расселением саровских групп в I до н.э. – III вв. н.э. по Оби и ее притокам.²³ В их могильниках трупосожжение достоверно фиксируется крайне редко, как например, на Шеркалинском некрополе, где данный тип обряда представлен в виде неглубоких округлых ямок, заполненных пеплом, кальцинированными костями и вещами,²⁴ что больше соответствует описаниям раннесредневековых погребений Окуневского могильника потчевашской культуры. Наиболее близкие нашим характеристики обнаруживаем в группе погребений первых веков нашей эры из Барабинской лесостепи,²⁵ фоминской культуры Верхнего Приобья,²⁶ таштыкской культуре.²⁷ На данных территориях практика трупосожжения считается привнесенной степными племенами из западных районов Центральной Азии,²⁸ также известно, что трупосожжение являлось неотъ-

емлемой характеристикой погребального обряда гуннских племен степей Восточной Европы.²⁹

Таким образом, все перечисленные выше характеристики погребального обряда карымского типа южной тайги Тоболо-Иртышья в большей степени относятся не к таежным культурам, а лесостепным (саргатская и бакальская) с долей степных компонентов.³⁰ Вероятно, традиционные лесные черты сохраняли отдельные племенные группы, как это было продемонстрировано на примере могильников Притоболья. Но данный сюжет нуждается в дополнительном привлечении источников. Интересно, что, расселившись на южных окраинах ареала нижнеобской культуры, карымское население старалось сохранять свою принадлежность к северной «метрополии» через установку сосудов с традиционной фигурно-штамповой орнаментацией.

IRODALOM

- AZBELJEV 1992: Азбелев, П. П.: Типогенез характерных таштыкских пряжек. In: *Проблемы археологии, истории, краеведения и этнографии Приенисейского края: Тезисы конференции 1992:2*. Отв. ред.: Буровский, А. М. Красноярск 1992, 48–52.
- BORZUNOV–CSEMIAKIN 2014: Борзунов, В. А. – Чемякин, Ю. П.: Карымские могильники таежного Приобья. *Вестник археологии, антропологии и этнографии* 2014:2, 64–70.
- CSEMIAKIN–KARACSAKOV 1999: Чемякин, Ю. П. – Карачаров, К. Г.: Древняя история Сургутского Приобья. In: *Очерки истории традиционного землепользования хантов: Материалы к атласу*. Екатеринбург 1999, 9–66.
- GOLGYINA–VODOLAGO 1990: Голдина, Р. Д. – Водолаго, Н. В.: *Могильники неволинской культуры в Приуралье*. Иркутск 1990.
- GRACSEV–ZELENKOV–SZLEPCOVA 2021: Грачев, М. А. – Зеленков, А. С. – Слепцова, А. В.: Курганный могильник Красноярский-IV эпохи великого переселения народов. *Вестник археологии, антропологии и этнографии* 2021:4, 60–73.
- JELAGIN–MOLOGYIN 1991: Елагин, В. С. – Молодин, В. И.: *Бараба в начале I тысячелетия н.э.* Новосибирск 1991.
- KORJAKOVA 1988: Корякова, Л. Н.: *Ранний железный век Западной Сибири*. Свердловск 1988.

²³ TROICKAJA 1994, 182–183.

²⁴ CHINDINA 1984, 50

²⁵ JELAGIN–MOLODIN 1991.

²⁶ SIRIN 2003, 139.

²⁷ VADECKAJA 1982, 114–115.

²⁸ AZBELJEV 1992, 52; VADECKAJA 1999, 190–192; SIRIN 2003, 141.

²⁹ ZASZECKAJA 1994, 12–13.

³⁰ ZIKOV 2012, 58; BORZUNOV–CSEMIAKIN 2014, 68–69.

- KUBAREV 2012: Кубарев, Г. В.: Древнетюркская оградка №5 в местности Кызыл-Шин (юго-восточный Алтай). *Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология* 2012:11 (7) 143–152.
- MATVEJEVA 1994: Матвеева, Н. П.: *Ранний железный век Приишимья*. Новосибирск 1994.
- MATVEJEVA 2012: Матвеева, Н. П.: *Козловский могильник эпохи Великого переселения народов*. Тюмень 2012.
- MATRENYIN–SZARAFANOV 2006: Матренин, С. С. – Сарафанов, Д. Е.: Классификация оградок тюркской культуры Горного Алтая. In: *Изучение историко-культурного наследия народов Южной Сибири*. Горно-Алтайск 2006, 203–218.
- SZKANDAKOV–DANCSENKO 1999: Скандаков, И. Е. – Данченко, Е. М.: Курганный могильник Усть-Тара VII в южно-таежном Прииртышье. In: *Гуманитарное знание. Серия «Преемственность»* 1999:3, 160–186.
- SIRIN 2003: Ширин, Ю. В.: *Верхнее Приобье и предгорья Кузнецкого Алатау в начале I тысячелетия н.э. (погребальные памятники фоминской культуры)*. Новокузнецк 2003.
- SZEIFERT ET AL. 2022: Szeifert, B. – Gerber, D. – Csáky, V. – Langó, P. – Stashenkov, D. A. – Khokhlov, A. A. – Sitdikov, A. G. – Gazimzyanov, I. R. – Volkova, E. V. – P. Matveeva, N. P. – Zelenkov, A. S. – Poshekhonova, O. E. – Sleptsova, A. V. – Karacharov, K. G. – Ilyushina, V. V. – Konikov, B. A. – Sungatov, F. A. – Kolonskikh, A. G. – Botalov, S. G. – Grudochko, I. V. – Komar, O. V. – Egyed, B. – Mende, B. G. – Türk, A. – Szécsényi-Nagy, A.: Tracing genetic connections of ancient Hungarians to the 6th–14th century populations of the Volga-Ural region. *Human Molecular Genetics, Volume 31, Issue 19, 1 October 2022, Pages 3266–3280*. <https://doi.org/10.1093/hmg/ddac106>
- SZLERCOVA 2016: Слепцова, А. В.: Обычай искусственной деформации черепа у населения Притоболья эпохи Великого переселения народов. In: *Экология древних и традиционных обществ. Сборник мат. конференции: 5 (1)*. Отв. ред.: Матвеева, Н. П. Тюмень 2016, 57–60.
- ТРОИСКАЯ 1994: Троицкая, Т. Н.: Лесостепное Приобье. In: *Очерки культурогенеза народов Западной Сибири. Т. 2. Мир реальный и потусторонний*. Отв. ред.: Лукина, Н. В. Томск 1994, 169–184.
- ТЮРЕНОВА–КАРАЦАРОВ 1994: Терехова, Л. М. – Карачаров, К. Г.: Раннее и развитое средневековье. Среднеобская низменность. In: *Очерки культурогенеза народов Западной Сибири. 2: Мир реальный и потусторонний*. Отв. ред.: Лукина, Н. В. Томск 1994, 277–289.
- ВАДЕСКАЯ 1982: Вадецкая, Э. Б.: Интерпретация существования двух обрядов в таштыкских грунтовых могильниках. In: *Проблемы археологии и этнографии Сибири: Тезисы региональной конференции*. Отв. ред.: Медведев, Г. И. Иркутск 1982, 114–115.
- ВАДЕСКАЯ 1999: Вадецкая, Э. Б.: *Таштыкская эпоха в древней истории Сибири*. Санкт-Петербург 1999.
- ZASZECKAJA 1994: Засецкая, И. П.: *Культура кочевников южнорусских степей в гуннскую эпоху (конец IV–V вв. н.э.)*. Санкт-Петербург 1994.
- ZOLOTARJEVA 1957: Золотарева, И. М.: Черепа из Перейминского и Козловского могильников. In: *Материалы и исследования по археологии СССР 58. Культура древних племен Приуралья и Западной Сибири*. Отв. ред.: Мерперт, Н. Я. Москва 1957, 246–250.
- ЗЫКОВ 2012: Зыков, А. П.: *Барсова Гора: очерки археологии Сургутского Приобья. Средневековье и новое время*. Екатеринбург 2012.

THE KARYM TYPE OF GRAVES FROM THE SOUTHERN TAIGA REGION 4–6 CENTURIES AD

ZELENKOV ALEKSANDR SERGEEVICH

The paper summarizes the characteristics of the Karym burials from burial grounds (Revda-5, Kozlov-Mys-2, Krasnoyarsk-IV, Alekseevka-50, Alekseevka-51, Ust-Tara-7) of the Southern Taiga Tobolo-Irtysh region of the IV–VI centuries AD. The specific features of the Karym group of burials include such signs as the commission of underground or underground burials in narrow oval or sub-rectangular pits, the northern orientation of the buried, the presence of cremations and corpse burials. When comparing the parameters of the Southern Taiga burials of the Karym type with the practices of the related population of the Lower Ob region, significant differences were found between the latter in the absence of traces of lifetime deformation of skulls, the poverty of burial equipment, the position of the deceased, which indicates a rapid mestization of culture under the influence of the forest–steppe traditions of the Bakalskaya (IV–IX centuries AD) and the Sargatka (IV/III century BC–III centuries AD) of the population of the Tobolo-Irtysh region.

29th Conference of Young Scholars
on the Migration Period

Budapest, November 15–16, 2019

